

крестьянин из села Ярошова, а в 1642 году — крестьянин из села Искани Могилевской волости¹². С чисто купеческим размахом вел торговлю крепостной крестьянин из села Миновичи Минского повета Василь Глушонок. Управляющий имением Житин пишет в жалобе от 30 мая 1625 года, что Глушонок и оба его женатых сына, бежавшие из села «отчыи власные... люди добре заможные, купцы». Он «товарами розными, збожем и пенкою гандлевал, витины до Крулевца спущал, конми, быдлом купчыл» вместе с сыновьями. Из села Жарновка того же имения бежали четыре семьи, имущество которых управляющий оценил в 12 тыс. злотых. А в 1624 году из соседнего села Ляды бежали также четыре семьи, главы которых вели обширную торговлю «быдлом рогатым и не рогатым, збожем и иным спратом домовым... конми... слонинами, садлами, маслами, сырами...»¹³

Несомненно, эти данные отражают явление крайне редкое, исключительное. Но сама возможность возникновения такого исключения позволяет говорить о возросшей роли товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве. Регулярной торговлей на рынке могла заниматься лишь небольшая часть крестьянства, его верхушка, а для подавляющей массы крестьян продажа сельхозпродуктов и ремесленных изделий на рынке была вынужденной — Нужны были деньги для уплаты налога и чинша. Товарно-денежные отношения в конце XVI — первой половине XVII века отражали и дополнительно стимулировали возникновение имущественного неравенства среди крестьянства. Рыночные связи накладывали свой отпечаток на состояние крестьянского хозяйства, способствуя его дифференциации, увеличению количества бедных и разоренных семей.

¹ См.: Лаппо И. И. Литовский Статут 1588 г. — Каунас, 1938, т. II, разд. XIII, арт. 5, 6.

² Похилевич Д. Л. Бюджет крестьян Белоруссии и Литвы в XVI в. — История СССР, 1972, № 1, с. 156.

³ ЦГИА БССР, ф. 1737, оп. 1, д. 10, л. 247.

⁴ АСД, т. 1, с. 178—185; ЦГИА СССР, ф. 823, оп. 1, д. 142, л. 1—3; ЦГИА БССР, ф. 1737, оп. 1, д. 4, л. 300—302; д. 10, л. 10—11, 234.

⁵ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 891, л. 198—199.

⁶ См.: Працы клясы гісторыі. — Мінск, 1929, т. III, с. 125; Опись документов Виленского центрального архива древних актовых книг. — Вильна, 1913, вып. X, стб. 169; ЦГИА БССР, ф. 1705, оп. 1, д. 1, л. 147.

⁷ ЦГИА БССР, ф. 1705, оп. 1, д. 1, л. 147; ф. 1722, оп. 2, д. 79, л. 134—145; ф. 1785, оп. 1, д. 13, л. 96; ф. 1737, оп. 1, д. 10, л. 246—247; СДГАМ, Минск, 1848, док. № 34; АСД, т. 1, с. 194; РОБАН Лит. ССР, ф. Г-43, д. 17402, л. 25; ЦГИА БССР, ф. 1296, оп. 5, д. 3, л. 579; ф. 1727, оп. 1, д. 1, л. 41, 166—167, 959, 1073.

⁸ ЦГИА БССР, ф. 1828, оп. 1, д. 10, л. 1080.

⁹ АВАК, т. 14, с. 639; ЦГИА Лит. ССР, ф. Древние акты, д. 37, л. 463, 474; РОБАН Лит. ССР, ф. Г-43, д. 17402, л. 29; ЦГИА БССР, ф. 1828, оп. 1, д. 3, л. 430 об.

¹⁰ ЦГИА БССР, ф. 1737, оп. 1, д. 10, л. 216; ф. 1747, оп. 1, д. 5, л. 152—153; ЦГИА СССР, ф. 823, оп. 1, д. 455, л. 1.

¹¹ ЦГИА БССР, ф. 1828, оп. 1, д. 10, л. 41, 42, 132, 168, 199, 215, 289—290, 341, 716, 780, 789, 909, 933, 983, 1010, 1031.

¹² ЦГИА БССР, ф. 1737, оп. 1, д. 8, л. 816; ф. 1828, оп. 1, д. 5, л. 137.

¹³ Там же, ф. 694, оп. 4, д. 1012, л. 37, 46.

Т. Ф. АПАНАСОВИЧ

ВКЛАД ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО В НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ

Происхождение и содержание библейских книг привлекали и привлекают внимание многих исследователей. Одни ученые исследуют библейские тексты критически, с научных атеистических позиций, другие же, в первую очередь богословы, стремятся путем устранения из Библии наиболее явных вымыслов и противоречий сделать ее более действенным орудием укрепления религиозного мировоззрения. Критический анализ «священного писания», имеющий важное значение в преодолении религиозных предрассудков и суеверий, опирается на результаты исследований ученых прошлых времен в этой области.

Одним из основоположников научной критики «священного писания» является Эразм Роттердамский (1469—1536) — выдающийся представитель немецкого гуманизма. В странах Западной Европы конец XV — на-

чало XVI века характеризуется господством католической церкви во всех сферах духовной жизни. В таких условиях сущность официальной философии (схоластики) сводилась к тому, чтобы посредством различных логических ухищрений обосновать и защитить догмы религии, которые являлись исходным пунктом и основой всякого мышления. Эразм Роттердамский, несмотря на то, что католическая церковь всячески препятствовала историко-критической работе над библейскими текстами, впервые издает греческий оригинал Нового завета с латинским переводом греческого текста и обширными комментариями. Эразм сверил десять различных по времени написания рукописей. Результаты этой работы выявили многочисленные погрешности в библейских текстах и требовали внесения поправок не только в текст, но и в традиционное понимание и толкование «священных книг». Как указывает ученый, источником ошибок явилось невежество богословов, на протяжении веков искажавших смысл «священного писания», часто низводивших его до уровня нравов своего времени: «...по своему произволу они толкуют и объясняют сокровеннейшие тайны: им известно, по какому плану создан и устроен мир, какими путями передается язва первородного греха... Ставя свои конклюдзы, скрепленные авторитетом нескольких схоластиков, превыше Солоновых законов, — подчеркивает Эразм, — мнят они, будто силлогизмами своими подерживают готовую рухнуть вселенскую церковь»¹. Гуманист отвергал исключительное право богословов на трактовку текстов «священного писания». Однако теологические взгляды Эразма не позволили сделать радикальных выводов из его работы над библейскими текстами. Немецкий гуманист проводит чисто филологическо-критический анализ библейских произведений, не касаясь исторического анализа. Его усилия направлены прежде всего на очищение христианства от позднейших наслоений. В этом стремлении Эразма выразилась идеализация им раннего христианства.

Основные моменты критического анализа богословской трактовки библейских текстов находят отражение в выдвинутой Эразмом системе гуманистических взглядов, получившей название «христианский гуманизм». Его учение является переработкой христианской этики в соответствии с принципами гуманизма и находится в непримиримом противоречии с богословскими схоластическими теориями и рассуждениями о мире и боге. В основе «христианского гуманизма» лежит требование действительного соблюдения жизненных норм человеческой морали. С этих позиций критикует Эразм пышность культа и людей, которые тратят огромные средства на сооружение и украшение храмов, в то время как их соотечественники мучаются жесточайшей нуждой. Он обличает невежество, алчность и разврат священников, лицемерие богословов, симонию и коррупцию церкви².

Для Эразма человеческое начало в христианстве имеет большее значение, чем божественное. Человеку отводится главенствующее положение в природе, ради него был создан весь земной мир. В противовес мрачному средневековому аскетизму и устремлению в загробный мир Эразм выступает за развитие физических и духовных сил человека, провозглашает принцип жизнерадостности, активной деятельности людей. Он указывает, что земная жизнь человека должна быть самой приятной из всех возможных и до краев наполненной истинными радостями, дающими наслаждение душе, а не плоти³.

Немецкий ученый постоянно отстаивает близость античного наследия к гуманистическому мировоззрению. Однако основой мировоззрения Эразма остается христианство: «классицизм» служит ему исключительно как форма, а из древности выбирает только те элементы, которые под этическим взглядом согласуются с идеалом христианства»⁴.

Решая проблему отношения античной культуры к христианству, Эразм одновременно затрагивает и более глобальную проблему — взаимоотношения веры и знания. Вера является основным понятием христианства. Богословы объявили веру высшей, непреходящей ценностью человеческого сознания, которая находится в непримиримом противоречии с наукой и знанием. Анализируя «Книгу антиварваров», советский ученый М. Смирин указывает, что вопрос о согласовании веры и знания Эразмом решается следующим образом: «Научные знания составляют необходимый и важный момент в «мировой гармонии», поскольку, стимулируя целенаправленную волю людей и их разумную деятельность, они образуют основу первой ступени нравственного совершенства и таким путем подво-

дят к христианской вере, являющейся, согласно его учению, высшей ступенью нравственного совершенства, недоступной человеческому разуму»⁵. Такая точка зрения отражает ограниченность мировоззрения Эразма в вопросе соотношения веры и знания и означает недооценку им решающей роли знаний в человеческой жизни.

Эразм Роттердамский выдвигает также новое решение вопроса о свободе воли, о волевой активности человека в религиозной сфере, а также в светской и общественной жизни. Как отмечает Дильтей, человеческий разум и воля выступают у Эразма вполне самостоятельно, влияя на ход дел в земном существовании человека⁶. Человеком может называться, по мнению Эразма, лишь тот, кто достиг господства нравственного начала над природными влечениями, для которого «истинное и единственное наслаждение — это радость чистой совести»⁷. Разум человека всемогущ и нет ни одной страсти, чтобы он не был в состоянии ее обуздать или направить к добродетели⁸. Немецкий гуманист неизменно осуждает фатализм, пассивность в жизни тех, кто рассчитывает оправдаться одной верою. Нравственное совершенство человека достигается лишь через его активную деятельность, использующую человеческий опыт. «Ожидать, — говорит Эразм, — от небесного вдохновения того, чему можно хорошо научиться у человека, свойственно либо глупцу, что еще хуже, — высокомерному»⁹. Эразм Роттердамский указывает, что человек должен управлять собственным характером для выработки твердой воли, которую необходимо направить к достижению нравственных качеств: любовь к истине, скромность, трезвость, нравственное поведение. В практических делах человек должен прежде всего рассчитывать на свои силы. Этим самым Эразм возвычивает человека, в то время как официальные богословы, по-своему трактуя отдельные фрагменты «священного писания», всячески старались принизить ценность человеческой личности. Эразм Роттердамский саркастически высмеивает тех, кто хочет спастись молитвами, взятками, индulgенциями¹⁰. Признавая существенным для христианства только «дух веры», а не его внешнее проявление в виде церемониальных обрядов, поклонений реликвиям, бессмысленных паломничеств в святые места, он вступает в противоречие с ортодоксальной теологией.

Эразм Роттердамский не был атеистом, но его труды сыграли большую роль в подрыве авторитета церкви, в разрушении ее духовной диктатуры, оказали плодотворное влияние на дальнейшее развитие библейской критики. Его выводы относительно сущности человеческой личности имеют атеистическую направленность. В них восстанавливается вера в могущество человеческого разума, реабилитируется земная жизнь человека в противовес иллюзорной, потусторонней жизни. Гуманистическая философия Эразма Роттердамского воплотила в себе идеи зарождающейся идеологии нового времени, положила начало развитию рационалистических воззрений последующих веков.

¹ Эразм Роттердамский. Похвала глупости.— М., 1960, с. 71, 75.

² См.: Эразм Роттердамский. Разговоры запросто.— М., 1969, с. 102, 104, 549.

³ Там же, с. 632—634.

⁴ Huizinga J. Erasmus.— Basel, 1936, s. 123—124.

⁵ Смирин М. М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии.— М., 1978, с. 126.

⁶ См.: Dilt e y W. Gesammelte Schriften.— Leipzig, 1923, Bd. 2, S. 74.

⁷ См.: Desiderii Erasmi Roterodami: Opera Omnia ... recognovit Johannes Clericus. Lugduni Butavorum, 1703—1716, t. V, col. 42B-C.

⁸ Ibid, col. 14F.

⁹ Ibid, t. X, col. 1704F.

¹⁰ См.: Эразм Роттердамский. Разговоры запросто, с. 28.

Р. А. СМОЛЬСКИЙ

КРИТИКА МОНТЕНЕМ ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В общественно-политической мысли Западной Европы эпохи позднего Возрождения видное место принадлежит выдающемуся французскому гуманисту Мишелю Монтеню, который внес существенный вклад в осуждение феодально-церковного мировоззрения. Подавляющему большинству